

СТРЕЛЕЦКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЮЖНЫХ ГОРОДОВ РОССИИ В XVII в.

Своеобразие развития городов южных областей России в XVI—XVII вв. зависело от интенсивности хозяйственного освоения русским населением этих областей в условиях вековой и фактически не прекращавшейся борьбы с ордами крымских ханов. История южных городов неразрывно связана с историей русской колонизации юга и историей борьбы России с крымскими ханами. Последняя проблема до сравнительно недавнего времени заслоняла от внимания исследователей историю хозяйственной жизни южных областей. Процесс их социально-экономического развития в исследованиях всецело подчинялся условиям порубежного быта. На своеобразие экономического развития южных областей России XVI—XVII вв. обратили внимание еще дореволюционные исследователи. Наиболее видный из них, Д. И. Багалеи, доказывал полное отсутствие народной колонизации юга и его заселение приписывал исключительно государственной инициативе. Его точка зрения была принята и развита М. К. Лобавским, Н. Д. Чечулиным, А. С. Лаппо-Данилевским, Г. М. Белоцерковским, А. А. Кизеветтером и др.¹ Южные города рассматривались ими исключительно как крепости и военные поселения, население которых складывалось и пополнялось в результате так называемого «сползания вооруженных сил» страны от центра к периферии, вовсе не было связано с сельской округой и весьма слабо — с местной экономикой. А. А. Кизеветтер решительно утверждал, что южная окраина государства представляла собой «едва просыпающуюся для торговой жизни пустыню»². А. С. Лаппо-Данилевский возникновение южных городов объяснял только политическими условиями. Их население, по его словам, нередко даже значительное, «почти целиком состояло из служилых людей разных разрядов, быстро менялось и в большинстве случаев не могло образовать городского класса с особыми, ему одному свойственными интересами, обязанностями и правами»³. Таким образом, теория «сползания» вооруженных сил к окраинам существенно дополняла

¹ Д. И. Багалеи, *Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства*, М., 1887, стр. 131—132; Н. Д. Чечулин, *Города Московского государства в XVI веке*, М., 1889, стр. 348; Г. М. Белоцерковский, *Тула и Тульский уезд в XVI—XVII вв.*, Киев, 1915, стр. 194 и др.

² А. Кизеветтер, *Делопроизводство русских внутренних таможен как исторический источник*, — «Сб. статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому», М., 1909, стр. 81.

³ А. С. Лаппо-Данилевский, *Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразования*, СПб., 1890, стр. 113.

мнение Д. И. Багалея и позволяла считать образование южного населения, в частности городского, результатом правительственной деятельности. Мысль о «сползании» проводилась даже в двухтомной монографии П. П. Смирнова, выпущенной в свет в 1947—1948 гг.⁴

Справедливо отмечая слабость и малочисленность посадского населения в южных городах, дореволюционные историки закрывали глаза на известные им факты, свидетельствовавшие о торгово-ремесленной деятельности других слоев городского населения, и в угоду созданной схеме отказывались считать южные города экономическими центрами. Правда, уже в дореволюционной историографии существовали иные мнения о роли вольной колонизации и о неправомочности существования теории «сползания»⁵.

На протяжении последних десятилетий советские историки в своих исследованиях уделили большое внимание истории южных областей России XVI—XVII вв. Отвергая теоретические построения буржуазной исторической науки, они доказали ведущую роль народной колонизации в хозяйственном освоении южных земель и добились существенных результатов в изучении социально-экономической истории южного города. «Небольшое количество построенных городков и сторожевая служба не в состоянии были обеспечить безопасность переселенцев из России в дикие степи, как показывают сведения о татарских набегах XVI в.... Без поддержки населения, без его непрерывного движения на юг Дикое поле осталось бы незаселенным и новые города стояли бы одиноко... Говорить о том, что область «польских городов» была заново заселена только в XVI в., нет оснований. Вероятно, она никогда не испытывала полного запустения», — к такому выводу пришел М. Н. Тихомиров в своем замечательном труде «Россия в XVI столетии»⁶. Целеустремленное укрепление южных границ в XVII в. путем строительства «засечных линий» было невозможно без массового привлечения местного населения. Хорошо известные работы А. А. Новосельского не оставляют в настоящее время сомнений в размахе народной колонизации, а исследования М. Н. Тихомирова, С. В. Бахрушина, Е. В. Чистяковой, В. М. Важинского и других историков положили серьезную основу для дальнейшего изучения экономики южнорусских городов в XVI—XVII вв.⁷

Признание определяющей роли «вольных» колонистов в хозяйственном освоении южных областей вело к изменению воззрений на роль местных городов. Основная их часть выросла из крепостей. Относительная слабость посадского населения в XVI—XVII вв. еще

⁴ П. П. Смирнов, *Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в.*, т. I, М.—Л., 1947, стр. 209.

⁵ Ю. В. Готье, *Замосковский край*, М., 1937, стр. 169—174; И. Миклашевский, *К истории хозяйственного быта Московского государства*, т. I, М., 1894, стр. 27.

⁶ М. Н. Тихомиров, *Россия в XVI столетии*, М., 1962, стр. 420, 422.

⁷ М. Н. Тихомиров, *Россия в XVI столетии*, раздел V; С. В. Бахрушин, *Научные труды*, т. I, 1952, стр. 29—33, 38, 39, 56, 57, 102, 115, 116, 123—125, 143, 151, 154, 158; А. А. Новосельский, *Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII в.*, — «Тр. Ин-та истории РАНИОН», вып. I, М., 1926; А. А. Новосельский, *Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII веке*, — ИЗ, № 4; А. А. Новосельский, *К вопросу об экономическом состоянии беглых крестьян на юге Московского государства в первой половине XVII в.*, — ИЗ, № 16; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами в XVII в.*, М.—Л., 1948; Е. В. Чистякова, *Воронеж в середине XVII в. и восстание 1648 г.*, Воронеж, 1953; Е. В. Чистякова, *Ремесло и торговля на воронежском посаде в середине XVII в.*, — «Тр. Воронежск. гос. ун-та», т. 25, Воронеж, 1954; В. М. Важинский, *Развитие рыночных связей в южных русских уездах во второй половине XVII века*, — «Уч. зап. Кемеровск. гос. пед. ин-та», каф. истории, № 5, Кемеров, 1963; «Курск. Очерки из истории города», Курск, 1957, и др.

не означала отсутствия торгово-ремесленного населения. Своеобразие состава городского населения отнюдь не свидетельствовало о том, что города оставались в стороне от общего процесса социально-экономического развития.

Под южнорусскими городами XVI—XVII вв. следует считать города Заозко-Брянского и Тульского краев, Рязанской и Северской земель и Дикого поля. Росписи 1667/68 и 1678 гг., которые подтверждали военно-стратегическую классификацию городов, сложившуюся к середине XVII в., дают вместе с тем довольно точную их географически поясную группировку⁸. На юго-западе располагались заозкие города (Калуга, Перемышль, Воротыньск, Лихвин, Мещовск, Серпейск, Масальск, Козельск), южнее их — города Севского полка (Карачев, Орел, Кромы, Белев, Болхов, а также Курск, входивший в состав городов Белгородского полка «в черте») и северские города (Брянск, Рыльск, Севск, Путивль, Недрыгайлов, Каменный). Украинные города (Тула, Кашира, Алексин, Таруса, Серпухов, Одоев, Крапивна, Дедилов) и рязанские города (Рязань, Зарайск, Коломна, Пронск, Михайлов, Гремячий, Венев, Печерники, Сапожок, Ряжск, Шацк, Скопин) составляли наиболее северную группу городов в районе старых засечных линий. Южнее их располагались Мценск, Чернь, Новосиль, Ливны, Чернавск, Епифань, Елец, Данков, Лебедянь, Талецк, Ефремов, Старый Оскол, Землянск, Обоянь, Суджа, Сумы. Они входили в состав городов Белгородского полка, но так как не располагались по Белгородской черте, то назывались городами «в черте». С востока к ним примыкали Козлов, Тамбов, Воронеж, Костенск, Орлов, Усмань, Бельск, Чернавск, Доброе, Сокольск, Белколодезь, которые считались городами «по черте». Южнее, непосредственно по Белгородской черте, тянулись города Ахтырка, Алешня, Хотмыжск, Вольный, Карпов, Болховой, Белгород, Короча, Яблонов, Новый Оскол, Верхососенск, Ольшанск, Усерд, Острогжск, Коротояк, Урыв. Наконец, «за чертой» находились Валуйки, Чугуев, Маяцкий, Палатов и свыше 20 более мелких укрепленных фортов. Всего, таким образом (без фортов «за чертой»), насчитывалось 87 городов. 49 из них существовали или были основаны в XVI в.⁹, остальные возникли на протяжении первой половины XVII в., главным образом в 40-х годах XVII в., когда сооружалась Белгородская черта.

Посадского населения в южных городах было немного. В XVI в. посады известны в полутора десятках городов (Серпухов, Коломна, Кашира, Епифань, Венев, Калуга, Тула, Зарайск, Воротыньск, Карачев, Белев, Одоев, Болхов, Дедилов, Путивль, Рязань)¹⁰. В целом же, по словам М. Н. Тихомирова, к югу от Оки «черное посадское население буквально тонуло среди служилых людей»¹¹. В XVII в. положение посадов изменялось к лучшему медленно. По данным, имеющимся в переписных книгах, крупные и средние посады к 1646 г. сложились лишь в городах, находившихся на старых, наиболее северных оборонительных линиях, созданных еще в XVI в. по течению Оки и Упы (Рязань, Зарайск, Коломна, Кашира, Серпухов, Калуга, Белев, Болхов, Тула). Небольшие посады имелись в Алексине, Тарусе, Крапив-

⁸ ЦГАДА. Разряд, Моск. стол, кн. 61, лл. 78—411; ДАИ, т. IX, № 106.

⁹ М. Н. Тихомиров, *Россия в XVI столетии*, стр. 376, 380—391, 398—403, 412—414, 421—423.

¹⁰ Там же, стр. 140, 149, 154—155, 375, 376, 399, 403, 413; С. В. Бахрушин, *Научные труды*, т. I, стр. 115, 116, 123, 151, 154, 211; Н. Д. Чечулин, *Города Московского государства...*, стр. 281.

¹¹ М. Н. Тихомиров, *Россия в XVI столетии*, стр. 389.

не. Всего в этом районе в 12 городах насчитывалось 3069 посадских дворов. Южнее посады имелись лишь в Веневе, Михайлове, Ельце, Воронеже, Белгороде, Козлове и Путивле (488 дворов)¹². В принципе то же распределение посадского населения сохранилось и во второй половине XVII в. Города по самой южной оборонительной линии, Белгородской черте, за единичными исключениями, вовсе не имели посадского населения. Из рассматриваемых 87 южных городов расклад оклада стрелецкой подати в 1681 г. коснулся только 27¹³, а из остальных даже в XVIII в., по данным первой ревизии, в 21 городе не было посадского населения¹⁴.

Основную массу населения южных городов, особенно в первой половине XVII в., составляли приборные служилые люди, в частности их преобладающая часть — стрельцы. Стрелецкие гарнизоны поселялись наряду с другими городскими приборными людьми в городах (пушкарки, затинщики, воротники и проч.). Сторожевые же приборные люди — казаки, атаманы, ездоки и другие поселялись как в городах, так и в уездах. Это определялось различным характером военной службы каждой из указанных категорий служилых людей. Городские приборные люди несли службу непосредственно по городу или по ближайшим к крепостям укреплениям, тогда как сторожевые вместе с уездным дворянским ополчением (детьми боярскими) стояли на дальних «сторожах», были в «отъезжих станицах» и т. п.¹⁵.

Следующие данные показывают соотношение отдельных категорий служилых приборных людей на юге в XVII в.¹⁶:

Год	Стрельцы	Прочие городские приборные люди (пушкарки, затинщики и др.)	Сторожевые приборные люди	В том числе полковые казаки
1632	5873	1822	5390	?
1639/40	5734	1839	9297	3089
1651	8761	1487 (данные неполные)	11011	?
1663	5840	2171	9729	4643
1678	5830	2377	5857	2191

Стрелецкие гарнизоны, имевшиеся в 65 южных городах и несшие там постоянную гарнизонную службу, были обычно преобладающей частью городского населения. Поэтому при рассмотрении социально-экономической истории южных городов в XVII в. наибольший интерес представляют не столько посады, сколько приборное население, составлявшее в буквальном смысле слова постоянное городское население. Как правило, стрелецкие слободы занимали в городах центральные районы, располагались в наиболее безопасных местах — или в самих острогах, или непосредственно под их валами и стенами, прикры-

¹² П. П. Смирнов, *Посадские люди...*, т. II, М.—Л., 1948, стр. 478, 481, 482.

¹³ ДАИ, т. IX, № 106; А. С. Лаппо-Данилевский, *Организация прямого обложения*, стр. 536—537.

¹⁴ А. А. Кизеветтер, *Посадская община в России XVIII столетия*, М., 1903, стр. 85—86.

¹⁵ См., например, роспись Козловского укрепленного района — ЦГАДА, Разряд. Приказной стол, кн. II, лл. 438—458.

¹⁶ Е. Д. Сташевский, *Смета военных сил Московского государства*, — ВИВ, 1910, № 9—10; ЦГАДА, Разряд, Белгор. стол, стлб. 116, лл. 1—102, 137—575; стлб. 327 лл. 116—259; Владимирск. стол, стлб. 145, лл. 8—16, 24—288; ДАИ, т. IX, № 106.

тые зачастую с наиболее опасной стороны рекой. На случай осадного времени в острогах стрельцам нередко отводились осадные дворы, расположенные также слободами.

В дальнейшем, в зависимости от исторических судеб южных городов в XVIII в., население стрельецких слобод или вошло в состав городского мещанства, или пополнило сословие государственных крестьян¹⁷.

Происхождение и образование стрельецкого городского населения находится в прямой связи с народной колонизацией юга. После разорений «смутного времени» и до 30-х годов XVII в. правительство, восстанавливая и упорядочивая систему обороны южных границ, пополняло стрельецкие гарнизоны путем привлечения в приборную службу местного населения. С 1616 по 1632 г. стрельецкое войско было увеличено в южных городах на 1786 человек, причем известно только о 400 стрельцах, переведенных из Москвы в Тулу, Крапивну и Дедилов. В стрельцы попадали люди разных социальных категорий, и среди них, конечно, было немало беглых тяглецов. Показательно, что при сыске посадских тяглецов, происходившем с 1617/18 г. и в 20-х годах XVII в., в официальных документах (соборное постановление 1619 г. наказы сыщикам) совершенно не ставился вопрос о возвращении в посад беглецов, поступивших в стрельецкую службу¹⁸. Для возвращения двух стрельцов в посадское тягло в Рязани в 1625 г. понадобился специальный государев указ начальнику Стрелецкого приказа кн. И. Б. Черкасскому¹⁹.

Во второй половине 30-х и в 40-х годах XVII в., когда сооружалась Белгородская черта и основывались многочисленные новые крепости, численность стрельецкого войска на юге увеличилась на три тысячи человек в значительной степени за счет южного населения. В начале 1631 г. о комплектовании стрельцов в Козлове были извещены воеводы 40 южных городов, от северских до заозких. Воеводам вменялось в обязанность оповестить население о наборе, «в торговые дни кликать, которые охочие люди от отцов дети, от дядь племянники, от братьи братьи, подсоседники и захребетники и всякие вольные люди похотят итти в новый город»²⁰. Практически в стрельцы мог поступить кто угодно, тем более что стрельецкие головы могли заполнять свободные места по своему усмотрению, даже без ведома местного воеводы.

Призывы о наборах в стрельцы, как и следовало ожидать, нашли отклик. В подробной отписке о ходе строительства Козлова воевода И. В. Биркин писал: «Приезжают к нам... в новый город вольные охочие люди с Лебедяни и с Сапожка и из иных городов, а хотят быти в новый город на житье в разные службы»²¹. К февралю 1637 г. им было набрано 260 стрельцов и 236 полковых казаков²². Этими призывами воспользовались, конечно, не только всякие «вольные» и «гулящие» люди, но и беглые крепостные крестьяне. Именно к 1637 г. относится первое коллективное требование дворян о сыске беглых крестьян. Подобное совпадение датировки событий нельзя признать слу-

¹⁷ В. А. Александров, *К вопросу о происхождении сословия государственных крестьян*, — ВИ, 1950, № 10, стр. 86.

¹⁸ ААЭ, т. 3, № 105; АПД, т. 1, М., 1913, № 101, 151, 154, 175.

¹⁹ АПД, т. 1, № 196, 197; Н. Найденев, *Материалы для истории городов в XVI—XVIII вв. Рязань*, М., 1867, стр. 12—13; см. также Е. Сташевский, *Очерки по истории царствования Михаила Федоровича*, Киев, 1913, стр. 137.

²⁰ ЦГАДА, Разряд, Белгор. стол, стлб. 201, лл. 338, 475—482.

²¹ Там же, л. 187.

²² Там же, стлб. 92, лл. 153, 170, 203.

чайным. Имеются прямые указания на требования оскольских и белгородских детей боярских вернуть им беглых крестьян, записавшихся в приборную службу во время строительства Белгородской черты²³. Тамбовский воевода Р. Ф. Боборыкин довольно прозрачно намекал на происхождение переселенцев. Он писал, что власти Козлова «сходцев с дороги емлют к себе в Козлов и осаживают их у себя сильно, и которые сходцы в Козлове городе жить не похотят и они тех людей бьют и в тюрьму сажают и отсылают в те же города, кто откелева придет»²⁴.

Одновременно и точно так же образовывался гарнизон Тамбова. Тамбовские бюрючи призывали переселенцев в Воронеже, Ельце, Лебедяни, Данкове, Ряжске, Шацке, Рязани, Муроме, Михайлове. Как утверждает И. И. Дубасов, за короткое время в Тамбове собралось более полуторы тысячи переселенцев, причем не только из указанных городов, но и из центральных областей, с Дона, Украины и с Литовского рубежа²⁵.

В другие новые города Белгородской черты, которые пополнялись и «вольными» переселенцами, правительство в 40-х годах XVII в. в широких масштабах переводило в административном порядке стрельцов из южных городов, расположенных севернее. На место выведенных стрельцов местные власти тут же прибирали новых людей. Таким образом, общая численность стрелецких гарнизонов в старых городах не изменялась, и ни о каком «сползании» ратных людей к югу говорить не приходится. В это время правительство неохотно пополняло стрелецкие гарнизоны за счет членов семей самих стрельцов, поэтому в их состав и в старых городах попадали также «всяких чинов» люди.

По явно неполным данным за 1639—1648 гг., только в Чугуев, Карпов, Болховой, Яблонов, Усерд, Верхососенск, Царев-Алексеев, Хотмыжск и Вольный было переведено свыше 1100 стрельцов из других южных городов и 1100 стрельцов из Москвы. Можно полагать, что стрелецкие гарнизоны всех южных городов по Белгородской черте в 40-х годах XVII в. приблизительно на треть были укомплектованы «вольными» переселенцами²⁶. Они явно преобладали в Козлове и Тамбове. Значительная часть их состояла из украинцев (главным образом в Коротояке, Чугуеве, Острогжске), массами переселявшихся в русские пределы, особенно в 30—40-х годах XVII в.²⁷ После 1650 г. и на протяжении всей второй половины XVII в. переводов стрельцов из одних городов в другие было мало и южные гарнизоны пополнялись почти исключительно всякими «вольными» людьми. В 1663 г. в Севске таким путем было набрано 200 стрельцов, в 1668 г. в Курске — 81, а в Шацке — 125²⁸. Пополнения этим путем становились тем более необходимыми также и потому, что с 50-х годов XVII в. начались усиленные наборы стрелецких родственников в полки иноземного строя

²³ И. Миклашевский, *К истории хозяйственного быта...*, стр. 157; ЧОИДР, 1859, кн. 2, № 21, 32, 35, 42, 52, 54, 80.

²⁴ И. И. Дубасов, *Очерки из истории Тамбовского края*, вып. 4, Тамбов, 1887, стр. 30.

²⁵ Там же, стр. 10—11.

²⁶ Этот вопрос подробно рассмотрен в другой работе автора: *Стрелецкое войско на юге Русского государства в XVII веке*. (Рукопись канд. дисс.), М., 1947, стр. 150, 157—173; В. М. Важинский, *Развитие рыночных связей...*, стр. 141.

²⁷ Е. М. Апанович, *Переселение украинцев в Россию накануне освободительной войны 1648—1654 гг.*, — сб. «Воссоединение Украины с Россией», М., 1954, стр. 78—104.

²⁸ ЦГАДА, Разряд, Владимир. стол, стлб. 145, лл. 98—104; Белгород. стол, кн. 61, лл. 238—239.

и семьи стрельцов на юге становились все более и более малочисленными.

Поступление бежавших от крепостной неволи крестьян в стрельцы после 1649 г. даже «предусматривалось» правительством. По сути дела «урочные годы» на юге после Соборного уложения 1649 г. оставались не только в полной сохранности, но и стали еще более льготными. По указу 5 марта 1653 г. из городов «по черте» возвращались только беглые, пришедшие туда после 1649 г., т. е. срок сыска устанавливался в 4 года. «Чтоб черты не запустошить», правительство даже выплачивало прежним владельцам по 20 руб. за «семьянистого» и по 10 руб. за одинокого беглого²⁹. В 1656 г. срок сыска был передвинут до 1653 г. В 1676 г. этот срок был подтвержден, причем разбор помещичьих исков мог происходить не на местах, а только в Москве, в Разрядном приказе. Во время русско-турецкой войны действие указа 1656 г. было приостановлено, а в 1683 г. в городах Белгородского и Севского полков разрешалось сыскивать беглых только тех, кто записался в приборную службу после 1675 г., т. е. срок сыска устанавливался в 8 лет. Этот указ был подтвержден в 1690 г.³⁰ Правительство вынуждено было поддерживать в это время определенную численность южного приборного люда и давало возможность представителям тяглых слоев населения выходить из тягла. Так, требования обороны своеобразно способствовали пополнению южного городского населения.

В противовес мнению А. С. Лаппо-Данилевского о всяком сброде, якобы часто пополнявшем южное население, А. А. Новосельский доказал, что в подавляющей части крестьяне, переселявшиеся на юг, по своему имущественному состоянию принадлежали к средним слоям³¹. Это обстоятельство как нельзя больше устраивало Разрядный приказ, который требовал, чтобы лица, записавшиеся в стрельцы, были «прожиточны и семьянисты». Таким образом, гарнизоны южно-русских городов пополнялись людьми отнюдь не обнищавшими, безусловно знакомыми с различными видами ремесел. Это обстоятельство нельзя не учитывать, рассматривая приборных служилых людей как составную часть городского населения. Разумеется, ремеслами и торгами занимались далеко не все приборные люди. Большая часть их на юге занималась земледелием, что в XVII в. было характерно не только для населения южных городов. Слабое развитие торгово-ремесленного посадского элемента, различные льготы, а также численное преобладание над остальными группами городского населения — все это давало возможность определенной части приборных служилых людей господствовать на местном рынке и играть существенную роль в ремесленном производстве вплоть до второй половины XVII в.

Даже там, где в XVII в. существовали более или менее значительные посады — в Туле, Рязани, Путивле, Воронеже, стрельцы и другие приборные люди составляли существенную конкуренцию посадским людям.

²⁹ ЦГАДА, Разряд, Приказной стол, стлб. 618, л. 178.

³⁰ Л. В. Черепнин, *Классовая борьба на юге Московского государства в 1682 г.*, — Изв., № 4, стр. 42—46; Н. Новомбергский, *Вымученные кабалы*, — ЖМЮ, 1915, № 5, стр. 228—232; М. Ф. Де-Пуле, *Материалы по истории Воронежской и соседних губерний*, кн. I, Воронеж, 1861, стр. 54—55.

³¹ А. А. Новосельский, *К вопросу об экономическом состоянии беглых крестьян...*, стр. 58—60; А. И. Яковлев, *Холопство и холопы в Московском государстве XVII века*, т. I, М.—Л., 1943, стр. 200; А. С. Лаппо-Данилевский, *Организация прямого обложения*, стр. 80.

На это обстоятельство давно обращали внимание исследователи³², но значения стрелецких торгов не подчеркивали. Между тем они весьма показательны.

В конце XVI в. Тула была значительным городским центром с ремесленным и торговым населением. Основную часть населения составляли «дворники» (300—400 человек), ратные люди по прибору (138 человек, из них 49 стрельцов, и свыше 60 рассыльщиков, ямщиков, казенных кузнецов и проч.), посадские люди (около 100 человек). Посадским людям принадлежало до четверти всех лавочных помещений. Имущественно они были сильнее своих конкурентов — «дворников» и приборных людей. Ратным людям принадлежала треть всех торговых помещений, дворникам — менее четверти³³. К 1625 г., т. е. к моменту составления писцовых книг, разорение «смутного времени» пошло на убыль. Тульский посад насчитывал в это время уже 153 тяглых двора, 62 бедных «дворишка» и 33 пустых двора. Он сохранял ведущую роль на городском торгу, но испытывал немалую конкуренцию со стороны служилых людей, в частности стрельцов, число которых возросло до 250, а также казенных ремесленников и дворников. Всего в 1625 г. в Туле насчитывалось 351 оброчное место и 5 бань на откупе³⁴, с которых взималось годового оброка 80 р. 10 ал. Городской торг и кузнечное ремесло распределялись между прослойками городского населения следующим образом³⁵:

Владельцы	Лавки и лавочные места	Столы, полки, прилавки и пр.	Клетки	Избы и алаши, харчевни	Кузницы	Бани на откупе	Всего	Взимаемый оброк
Посадские люди	81	26	1	7	1	—	116	32 р. 22 ал. 4 д.
Стрельцы	9 ¹ / ₂	30	—	3	13	—	55 ¹ / ₂	9 р. 28 ал. 4 д.
Прочие приборные служилые люди (главным образом пушкари)	34 ¹ / ₂	14	1	1	2	3	55 ¹ / ₂	15 р. 2) ал. 4 д.
Крестьяне	9	2	1	—	7	—	19	} 22 р. 4 ал. 4 д.
Казенные ремесленники	13	3	—	—	4	—	20	
Дворники, захребетники и т. п.	37	36	1	8	6	2	90	
Итого	184	111	4	19	33	5	356	80 р. 10 ал.

Итак, на тульском торгу и в кузнечном ремесле господствовали посадские и ратные люди, которые платили 72,4% всего оброка с торговых помещений и кузниц. Служилым людям принадлежало около трети таких помещений в Туле (93 из 318). Заметную роль в торговле играли и остальные категории городского населения — казенные ремесленники, крестьяне, дворники, захребетники и т. п.

³² Г. М. Белоцерковский, *Тула и Тульский уезд...*, стр. 93—105; С. Ф. Платонов, *Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.*, М., 1937, стр. 70—71; Э. Эрнст, *Путивль и его посад в первой половине XVII в.*, — «Юбилейный сб. истор.-этногр. кружка при Ун-те св. Владимира», Киев, 1914, стр. 75.

³³ М. Н. Тихомиров, *Россия в XVI столетии*, стр. 383—385; Н. Д. Чечулин, *Города Московского государства...*, стр. 288, 297, 304.

³⁴ При общем подсчете полулавки округлялись в целые лавки.

³⁵ Н. А. Найденов, *Материалы для истории городов... Тула*, М., 1884.

Торговая конкуренция выдерживалась посадскими людьми, как и в конце XVI в., благодаря подавляющему количеству принадлежавших им лавок. В мелкой розничной торговле (на столах, прилавках, полках) и в кузнечном производстве они значительно уступали служилым людям, основное место среди которых занимали стрельцы и пушкар. Однако торгово-ремесленной деятельностью занималась лишь пятая часть всех стрельцов. Преобладающую роль в производстве и торговле стрельцов занимали продукты питания. Они торговали преимущественно мясом, а также хлебом, крупой, орехами, ягодами и т. п. (5 лавок, 13 столов, 8 полок, 3 ночвы, 3 харчевни). Любопытно отметить, что стрельцы активно участвовали в развивавшейся металлообработке и, по-видимому, были связаны прежде всего с выделкой оружия. Основная ремесленная деятельность стрельцов концентрировалась в остроге, где почти половину кузниц держали в своих руках стрельцы (13 из 33). Кроме кузнечного ремесла отдельные стрельцы занимались свечным производством, сапожным, портновским и шапочным ремеслом; свои изделия они сами сбывали на торгу в четырех поллавках и на одном столе. В других лавках и на столах стрельцы также торговали различными ремесленными товарами (серебряным товаром, холстом, москательным товаром, свечами).

Развитое кузнечное ремесло и мелкая торговля продуктами питания, преимущественно мясом, — таковы основные черты торгово-ремесленной деятельности стрельцов в Туле. Обычно стрельцы не имели более одного торгового места или ремесленного предприятия, но среди них были и состоятельные люди, как, например, Мамонка Павлов, владевший лавкой в Соляном ряду (сосуды, ризы, книги и колокола для церкви Николы Чудотворца в Никольской слободе были приобретены на его средства).

В конце XVI в. в Рязани на торгу полностью господствовали зависимые люди дворян, архиепископа, монастырей, а также служилые приборные люди³⁶. К 1626 г. положение посада изменилось. По состоянию ремесла и торговли Рязань стала походить на Тулу³⁷. По количеству торгово-ремесленных предприятий и сумме оброка, выплачиваемого с них, она была несколько крупнее Тулы (430 торгово-ремесленных предприятий и 14 оброчных дворов; оброк — 94 р. 20 ал. 1½ д.). Распределение торговых помещений и суммы уплачиваемого оброка в 1626 г. среди торгово-ремесленного населения Рязани показано в таблице на стр. 244.

По количеству торговых и ремесленных предприятий и уплачиваемому оброку стрельцы занимали второе место после посадских людей, а с другими приборными людьми выдвигались на первое место. Как и в Туле, они в основном занимались розничной торговлей продуктами питания, в которой успешно конкурировали с посадскими людьми. В основном торговом ряду — Большом (70 лавок, 4 места лавочных, 6 амбаров, 1 прилавок), преобладало посадское население (15½ лавок). Приборные люди (пушкар, стрельцы, затинщики, воротники) имели 15½ лавок; архиепископские крестьяне — 11½ лавок, духовенство — 8 лавок. Преобладали посадские люди в двух соляных и горшечном рядах. В москательном ряду, где стрельцы не торговали вовсе, наибольшее количество помещений имели архиепископские крестьяне и затинщики с пушкарями.

³⁶ М. Н. Тихомиров, *Россия в XVI столетии*, стр. 398—401; Н. Д. Чечулин, *Города Московского государства...*, стр. 288—289.

³⁷ Н. А. Найденов, *Материалы для истории городов... Рязань*.

Владельцы	Лавки	Амбары	Харчевни, избы, шалаша	Оброчные дворы	Столы, прилавки и прочие	Кузницы	Всего	Взимаемый оброк
Посадские люди* . . .	17 $\frac{1}{2}$	46 $\frac{1}{2}$	2	—	31 $\frac{1}{2}$	12	109 $\frac{1}{2}$	23 р. 16 ал. 4 $\frac{1}{2}$ д.
Стрельцы	2	27	5	1	27	5	67	11 р. 27 ал. 1 $\frac{1}{2}$ д.
Прочие приборные служилые люди (пушкарни, воротни- ки, казенные сто- рожа)	18	34 $\frac{1}{2}$	2	1	21	7	83 $\frac{1}{2}$	19 р. 1 ал. 3 $\frac{1}{2}$ д.
Крестьяне (в основном архиепископские) . .	12 $\frac{1}{2}$	13	—	1	13	2	41 $\frac{1}{2}$	9 р. 25 ал. $\frac{1}{2}$ д.
Ямщики	3	17	1	1	1 $\frac{1}{2}$	—	23 $\frac{1}{2}$	4 р. 16 ал. $\frac{1}{2}$ д.
Дворники	3	8	2	—	5	2	20	4 р. 6 ал. $\frac{1}{2}$ д.
Прочие (духовенство, московитины и т. д.)	20	30	3	10	30	6	99	21 р. 27 ал. 2 $\frac{1}{2}$ д.
Итого	76	176	15	14	129	34	444	94 р. 20 ал. 1 $\frac{1}{2}$ д.

* С ними объединены лица, названные в писцовой книге «чернослободцами» (владельцы 1 лавки и 12 кузниц, оброк 4 р. 32 ал. 4 $\frac{1}{2}$ д.).

Однако в рядах, где продавались продукты питания, соотношение резко менялось. В житном ряду стрельцы владели половиной торговых помещений (из 41 амбара и 5 мест амбарных — 21 амбар и 1 место) и выплачивали более половины всего оброка. Посадские люди владели лишь 6 амбарами, а пушкарни, затинщики, воротники — 5 амбарами и 2 местами. В калачном ряду стрельцы также преобладали: из 43 полок и 1 амбара они владели 13 полками, а посадские люди — 8 полками и 1 амбаром. Треть всех городских харчевных изб принадлежала также стрельцам. В мясном ряду стрельцы и пушкарни были на втором месте после посадских людей. Из 32 полок, 1 места полочного и 3 амбаров посадские люди владели 12 $\frac{1}{2}$ полками, 1 местом и 3 амбарами, а стрельцы и пушкарни поровну делили 12 полок. В остальных рядах — рыбном, крупяном и орешном, стрельцы имели незначительный торг, а в луковом ряду не торговали совсем.

Таким образом, в стрелецкой торговле в Рязани основное место также занимали продукты питания, мучные и мясные товары, в меньшей степени — соль, рыба, орехи, крупы и содержание харчевных изб (67,6% всего уплачиваемого стрельцами оброка). Ремесленная деятельность стрельцов, как и в Туле, в основном ограничивалась кузнечным производством. По данным 1626 г., торговлей и кузнечным ремеслом занималось 59 стрельцов. Среди них выделялся Девятка Климовский, владевший двумя лавками в Большом ряду.

В Путивле к 1625 г. посадское население, по-видимому, не оправилось после событий «смутного времени». В XVI в. через Путивль проходил торговый путь в Крым, и в начале XVII в. в городе существовал большой посад³⁸. В 1625 г. в городе насчитывалось лишь 72 посадских человека, 100 старых и 200 переведенных из Чернигова стрельцов, до 300 казаков и около сотни других приборных служилых людей. Как и в других городах, торгами и промыслами занималась лишь определенная группа стрельцов (68 человек), которая, несмотря

³⁸ М. Н. Тихомиров, *Россия в XVI столетии*, стр. 412, 413.

на численное равенство с посадскими людьми, играла на городском торгу основную роль. Внутри этой группы бывшие черниговские стрельцы в торговой деятельности не отставали от старых путивльских стрельцов.

Городской торг, находившийся возле «города», состоял из трех больших рядов — большого, сапожного, «третьего от кабака», по крайней мере из пяти рядов мелкорозничного характера и харчевен. Кузницы находились на посаде. Все эти торгово-ремесленные предприятия Путивля в 1625 г. распределялись среди различных социальных групп населения следующим образом³⁹:

Владельцы	Лавки и лавочные места	Столы, полки скамьи, торговля в дворах	Харчевни	Кузницы	Итого	Взимаемый оброк
Стрельцы	18	43	4	6	71	16 р. 30 ал.
Казачи (в основном жилие)	20	11	4	8	43	12 р. 31 ал. 4 $\frac{1}{2}$ д.
Другие приборные люди (пушкарни, затинщики и воротники)	18	14	1	1 $\frac{1}{2}$	34 $\frac{1}{2}$	9 р. 31 ал. 3 д.
Посадские люди	17	6	—	1	24	7 р. 20 ал. 1 $\frac{1}{2}$ д.
Прочие (дети боярские, казенные ремесленники, крестьяне и др.) . .	14	16	1	7 $\frac{1}{2}$	38 $\frac{1}{2}$	6 р. 13 ал. 4 $\frac{1}{2}$ д.
Итого	87	90	10	24	211	53 р. 27 ал. 1 $\frac{1}{2}$ д.

В целом картина создается приблизительно такая же, как и в Рязани, с той только разницей, что приборные служилые люди определенно занимали ведущее место как в мелкорозничной, так и в более крупной лавочной торговле.

По количеству лавок стрельцы соперничали с казаками и посадскими людьми, лишь незначительно уступая тем и другим в сумме уплачиваемого с лавок оброка (казаки — 6 р. 30 ал., посадские люди — 6 р. 10 ал., стрельцы — 5 р. 31 ал. 1 $\frac{1}{2}$ д.).

Посадские люди концентрировались в основном в большом ряду, где им принадлежало 11 лавок из 34. По аналогии с Тулой и Рязанью можно полагать, что в этом ряду велась торговля различными товарами ремесленного производства (москательного, суконного и проч.). В этом же ряду в 6 лавках и на 1 лавочном месте торговали казаки и в 8 лавках — пушкарни. Стрельцам в большом ряду принадлежала только 1 лавка. Несколько уступали стрельцы казакам и в сапожном ряду (28 лавок), где казакам принадлежало 10 лавок, стрельцам — 7, посадским — 4. Но они господствовали в третьем ряду (6 лавок из 13), где торговали, по-видимому, изделиями ремесленного характера. Стрельцы оставляли далеко позади себя всех конкурентов в мелкорозничной торговле съестными припасами. Из 10 харчевен и 74 мелких торговых «точек» (столов, полок и проч.), где шла тор-

³⁹ ЦГАДА, Поместный приказ, кн. № 148, лл. 286—340. В таблицу не включены три лавки и 16 более мелких торговых мест, которые были сломаны, но оброк с них взимался (3 р. 10 ал. 3 д.) и 6 бань с 1 шалашом с квасом и суслом. Оброк, взимающийся со всех бань, указан суммарно (31 р. 20 ал. 4 $\frac{1}{2}$ д.). Тремя из них владели казаки, двумя — посадские люди и одной — воротник.

товля предметами питания, 4 харчевни и 33 торговых «точки» принадлежали стрельцам, т. е. почти половина. Торговля велась ими прежде всего мясом и рыбой, затем маслом и хлебом.

Из городского ремесла в Путивле было развито кузнечное, сапожное, серебряное. Во всех видах его стрельцы принимали активное участие. В сапожном ряду им принадлежала четвертая часть всех лавок. По количеству кузниц стрельцы уступали только казакам и опережали казенных кузнецов, обладавших рядом оброчных льгот. (Большинство кузниц казаков и стрельцов были обложены оброком от 8 до 16 ал. Казенные же кузнецы платили всего 2 ал. 1 д. с кузницы). В ряду, где торговали серебряным товаром, стрельцы владели 7 полками из 8 и являлись монополистами в этом ремесле.

Широкие торговые связи с уездами и другими городами уже в первой четверти XVII в. имели Воронеж и Курск. Несомненную роль здесь играли местные приборные люди. В это время Воронеж представлял собой типичный военный город с сильным гарнизоном (свыше тысячи различных ратных людей) и слабо развитым посадом. Однако уже тогда город был втянут в оживленную междугороднюю торговлю, развитие которой во многом определялось прямым путем на Дон. Сохранившийся отрывок воронежской таможенной книги 1623 г. (за два с половиной месяца) позволяет судить о торговых связях Воронежа с Москвой и более чем двадцатью южными городами в радиусе 200—600 верст. В 1648 г. значительно усилившийся посад обладал 41 лавкой из 118, но служилые люди сохраняли некоторое значение в торговле, владея 25 лавками⁴⁰.

В Курске, о посаде которого до середины XVII в. данных нет, в 1639 г. был значительный торг (86 лавок), существовали кузнечный, соляной, мукомольный, селитренный промыслы; по имеющимся отрывочным сведениям, отдельные приборные люди (стрельцы, казаки, пушкарки) в 20-х годах XVII в. осуществляли на десятки рублей торговые обороты, имевшие, возможно, междугородний характер⁴¹.

В других южных городах, особенно расположенных по Белгородской черте, где посадское население развито было весьма слабо, удельный вес стрельцов в городских торгах еще более повышался. Так, в переписной книге 1646 г. г. Новосила указывалось, что «в городе в Новосиле и на посаде посадских тяглых людей нет. А торгуют де в Новосиле стрельцы, и казаки, и пушкарки, и дворники»⁴². Стрельцы южных городов ездили скупать хлеб в Воронеж и Белгород. В 1630 г. елецкий откупщик жаловался на местных стрельцов и казаков, которые принимали товары у ельчан — посадских людей и у уездных людей (сукно, хлеб), называли их своими и торговали беспошлинно⁴³.

В целом уровень торгово-ремесленной деятельности населения в южных городах к 30-м годам XVII в. в масштабах всего государства был вовсе не так уже низок, как он представлялся большинству дореволюционных исследователей. Мелкорозничная торговля стрельцов, сплошь и рядом превосходившая торговлю других городских прослоек, определяла удельный вес стрелецких слобод в экономике города.

⁴⁰ См. работы Е. В. Чистяковой: *Ремесло и торговля...*, стр. 48, 54, 61; *Воронеж в середине XVII века...*, стр. 34—35; «Очерки истории Воронежского края», т. I, Воронеж, 1961, стр. 40

⁴¹ «Курск. Очерки из истории города», стр. 31—33.

⁴² Е. В. Чистякова, *Народные движения в России в середине XVII в. (1635—1649)* (Рукопись докт. дисс.), стр. 386.

⁴³ ЦГАДА, Разряд, Белгород. стол, стлб. 492, лл. 186—191; Приказной стол, стлб. 173, лл. 333—334; Моск. стол, стлб. 60, лл. 185—188.

Во время пятинного сбора в 1633—1634 гг. из 111 городов по количеству собранных денег Тула, Брянск, Рязань с уездами занимали соответственно 29, 30 и 38-е места. Не уступал им и Воронеж. Значительную долю этого сбора выплачивали стрельцы. В Брянске, например, из общего пятинного оклада в 1527 руб. стрельцы заплатили 432 р. 16 ал. 4 д. О том же свидетельствуют данные по другим южным городам (Козельск, Одоев, Лихвин, Новосиль, Мценск, Орел, Ливны, Курск, Севск, Путивль)⁴⁴.

В стрелецких слободах были состоятельные люди. Уже упоминалось о таких стрельцах в Туле и Рязани. Широко известен челнавский стрелец Тимофей Чубулов, «выевший мир» и убитый этим же миром в грозный 1648 г.⁴⁵ На основе ремесленных промыслов и торгов, взятых на оброк рыбных ловель и других оброчных статей, они превращались в экономическую силу среди приборной массы населения южных городов.

Хорошо известно, что до 40-х годов XVII в. приборные ратные люди не платили пошлин с мелкорозничных торгов. В 1643 г. правительство постановило отобрать лавки у беломестцев, приобретенные после 1624 г., и передать их посадскому населению⁴⁶. Нет известий, свидетельствующих о применении этого указа в южных городах. Однако монополия торгово-ремесленной деятельности посада, провозглашенная Соборным Уложением 1649 г., посадское «строение», проводившееся Приказом сыскных дел, и ясно обнаружившаяся тенденция в государственной политике, направленная на расширение феодального гнета в отношении южного приборного люда, привели к тому, что во второй половине XVII в. и особенно к концу его значение стрелецкого населения в экономической жизни южных городов начало снижаться. «Посадское строение» больно отозвалось на их приборном населении. Служилые приборные люди в заоцких и северских городах дали 12,1% новоприписанных дворов в посад, в приоцких — 5%, в рязанских — 10%. В отдельных городах этот процент был еще выше, как, например, в Козлове (14,3%). Как правило, сыщиков интересовали наиболее «прожиточные», участвовавшие в городском торге люди⁴⁷. Стрельцов это строение задело меньше, чем пушкарей, воротников и других приборных людей, но усилившаяся феодальная эксплуатация разоряла их хозяйства⁴⁸. Правда, нет оснований думать о быстром исчезновении стрелецких торгов и промыслов. Во второй половине XVII в. в южнорусских уездах и, в частности, в городах происходил существенный рост производительных сил, товарно-денежных отношений, развивались районные торговые связи, ремесло усложнялось и специализировалось, приобретало черты товарного производства⁴⁹. В этих условиях стрельцы-ремесленники и торговцы достаточно долго сохраняли возможности для экономической деятельности.

Изменения, причем весьма существенные, происходили прежде всего в городах, где посадское население быстро росло.

К 1685—1686 гг. в Туле торговля посадских людей по сравнению с 1625 г. далеко ушла вперед, а стрелецкая торговля почти исчезла. К моменту составления писцовой книги у стрельцов (в том числе от-

⁴⁴ Е. Сташевский, *Пятинна 142 года и торгово-промышленные центры Московского государства*, — ЖМНП, 1912, № 5, стр. 85—95, 107—109.

⁴⁵ ЧОИДР, 1896, кн. III, стр. 24.

⁴⁶ А. С. Лаппо-Данилевский, *Организация прямого обложения...*, стр. 72—73.

⁴⁷ П. П. Смирнов, *Посадские люди...*, т. II, стр. 479, 492, 498, 502.

⁴⁸ В. А. Александров, *К вопросу о происхождении...*, стр. 93, 94.

⁴⁹ В. М. Важинский, *Развитие рыночных связей...*, стр. 102—141.

ставных) и у стрельцких вдов оставалось 4 кузницы, 5¹/₂ лавок, 3 стола, 1 прилавок, 1 рундук, 1 харчевный шалаш⁵⁰.

В Козлове, где посадских людей до 1646 г. почти не было, стрельцы, несмотря на посадское строение 1649 г., долго сохраняли первое место на торгу. По оброчной книге 1658 г., в городе на торгу насчитывалось 55 лавок, 27 полок, 1 лавочное место, 2 воскобойни, 1 солодовня, 3 кузницы и 7 торгов с телег, обложенных оброком в 12 р. 10 алт. 4 д.⁵¹ Стрельцам принадлежало 15 лавок, 15 полок, 1 воскобойня, 5 торгов с телег; 4 лавками и 2 полками они, кроме того, владели совместно с посадскими людьми, дворниками, пушкарями и т. п. Со всех этих торгов они платили более трети всего городского оброка (4 р. 21 ал. 3 д.).

К 1680 г. торг в Козлове несколько развился, если в 1658 г. в городе было 96 торговых «точек» и ремесленных предприятий, то к 1683 г. их число возросло до 119, хотя сумма оброка увеличилась незначительно⁵². На городском торгу произошли значительные перемещения во владении торговыми помещениями. На первое место уверенно выдвинулись посадские люди, постепенно скупавшие лавки у служилых людей⁵³. Они имели 30 лавок, 1 лавку в общем владении с сыном боярским и 3 кузницы. К ним, по-видимому, можно присоединить «козловцев», имевших 13 лавок и 1 харчевню. Стрельцы сохранили лишь 8 лавок и 6 полок. То же самое происходило и в Воронеже, где к 1658 г. стрельцов почти не осталось на городском торгу⁵⁴.

В наиболее южных городах, где посады развивались медленнее, стрельцы до конца XVII в. сохраняли ведущее положение в городской торговле. В. М. Важинский отмечает, что в южных украинских городах — центрах небольших сельских рынков служилые люди оставались преобладающей группой торговцев⁵⁵. В Белгороде количество лавок с 55 в 1658 г. возросло к 1690 г. до 180⁵⁶. По оброчной книге 1694/95 г. в Белгороде на городском торгу, заключавшем в себе 181 лавку, 8 харчевен, 3 лавочных места и 1 квасное место, первое место бесспорно принадлежало стрельцам и их родственникам, которые владели 75 лавками, 1 лавочным местом и 3 харчевнями и выплачивали с них треть всей оброчной суммы (16 р. 26 ал. 4 д. из 48 р. 16 ал. 4 д.)⁵⁷.

В крупном военно-опорном пункте Яблонове в 1658 г. стрельцы также полностью господствовали на городском торгу⁵⁸. Из 53 лавок, 6 полулавок, 1 стола и 3 кузниц (оброк 41 р. 19 ал.) они владели 28 лавками, 4 полулавками, 3 кузницами (оброк 22 р. 4 ал. 2 д.). Остальными лавками владели казаки, станичники, дети боярские и др. Весьма интересны данные оброчной книги о роли в городской торговле московских стрельцов, поселенных в Яблонове «на вечное житье». На месте нового жительства они продолжали свои торгово-ремесленные занятия. В Яблонове им принадлежало 12 лавок, 3 полулавки и 3 кузницы. В дальнейшем торговое значение Яблонова стало падать, и к концу XVII в. торговля в нем захирела⁵⁹.

В Карпове, судя по оброчной книге 1685 г., на торгу было 48 ла-

⁵⁰ Г. М. Белоцерковский, *Тула и Тульский уезд...*, стр. 127; Н. А. Найденов, *Материалы для истории городов... Тула*.

⁵¹ ЦГАДА, Разряд, Денежный стол, кн. 319, лл. 810—845.

⁵² Там же, кн. 4, лл. 16—27.

⁵³ В. М. Важинский, *Развитие рыночных связей...*, стр. 117.

⁵⁴ ЦГАДА, Разряд, Денежный стол, кн. 319, лл. 52—59.

⁵⁵ В. М. Важинский, *Развитие рыночных связей...*, стр. 140.

⁵⁶ Там же, стр. 115.

⁵⁷ ЦГАДА, Разряд, Денежный стол, кн. 144, лл. 116—133.

⁵⁸ Там же, кн. 319, лл. 973—979.

⁵⁹ В. М. Важинский, *Развитие рыночных связей...*, стр. 116.

вок. Основными конкурентами на торгу были дети боярские, владевшие 13 лавками, и стрельцы, имевшие 12 лавок. К 1695—1696 гг. общая картина торга почти не изменилась с той только разницей, что стрельцы решительно взяли вверх над детьми боярскими⁶⁰. Сохраняли значение в городских торгах служилые люди также в Ельце, Курске, Валуйках, Старом Осколе, Чугуеве, Усмани⁶¹.

К сожалению, в весьма интересном исследовании В. М. Важинского, содержащем богатый материал о междугородней и уездной торговле на юге России во второй половине XVII в., участие стрельцов в этих видах торговли не выделено. Между тем стрельцы принимали участие не только в них, но в откупных операциях. Безусловный интерес представляет челобитная двух верхососенских стрельцов Ивана Ряшенина и Антипа Кузьмина, просивших в 1663 г. отдать им на откуп кабак в Верхососенске и таможенные сборы в Усерде, которые вместе с кабацкими достигали почти 250 руб.⁶² Мценские стрельцы вместе с другими приборными людьми в 1670 г. в своей челобитной указывали: «...а кормимся мы... в Мценску всяким торговым промыслишком и в отъезд ездим, а иная наша братья сложилась меж себя человек пять-шесть, волочимся стружишками»⁶³.

Материал о стрелецкой внегородской торговле дает также таможенная книга Путивля за 1673—1674 гг.⁶⁴ Наиболее значительные торговые обороты совершались в Путивле летом (июнь — август), когда ежемесячно собиралось по 30—50 руб. таможенных пошлин. В это время продавались значительные партии привозного москательного товара (на 100—300 руб.), появлялись заморские товары (например, перца один пушкарь продал на 200 руб., а посадский человек — на 100 руб.). Продукты питания, скот и хлеб продавались круглый год.

Основными конкурентами на рынке были пушкари, стрельцы, дети боярские, казаки и посадские люди. Из общего количества (более чем на 3711 руб.) всех прошедших через таможенную товаров, в основном москательного, скота, хлеба и соли, основная часть принадлежала пушкарям и казакам (около 2300 руб.). В размерах торга значительно им уступали посадские люди (свыше 480 руб.), стрельцы (свыше 291 руб.), дети боярские (свыше 172 руб.). Однако преобладание верхушки пушкарей и казаков определялось продажей крупных партий москательного товара (на 1580 руб.). В продаже продуктов питания первое место занимали посадские люди, а за ними шли **стрелецкие торговцы**, которые в торговле мясом занимали первое место и по обороту почти не уступали пушкарям, казакам и посадским людям, вместе взятым. Таким образом, как и во внутригородской мелкорозничной торговле, специализация стрелецких торговцев оставалась неизменной. Круг стрельцов-торговцев был еще более узким, нежели во внутригородской торговле. Из 24 человек, упоминавшихся в таможенной книге, подавляющее большинство занималось мелкими оборотами. Но среди них можно видеть стрельца С. Плаксина, привезшего на 80 руб. москательного товара, и стрельцов-прасолов — Н. Пятышкина, В. Дергаусова, Н. Суворова, продавших на протяжении всего года десятки голов крупного и мелкого скота.

В 1684 г. московские стрельцы, сосланные на «вечное житье» в Курск, просили отпускать их для «торгового промысла» в разные го-

⁶⁰ ЦГАДА, Разряд, Денежный стол, кн. 4, лл. 74—77; кн. 144, лл. 2—7.

⁶¹ В. М. Важинский, *Развитие рыночных связей...*, стр. 140.

⁶² ЦГАДА, Разряд, Белгород. стол, стлб. 536, лл. 49—51.

⁶³ А. Лаппо-Данилевский, *Организация прямого обложения...*, стр. 51, сн. 1.

⁶⁴ ЦГАДА, Разряд, Денежный стол, кн. 366, лл. 1—92.

рода. Разрядный приказ разрешил местному воеводе отпускать их в «недальние города»⁶⁵.

В оброчной книге Усмани за 1695—1696 гг. также указывается, что стрельцы и казаки, торговавшие солью, рыбой, мясом, скупали эти товары, по-видимому, в уезде для продажи⁶⁶.

Итак, можно с уверенностью признать, что приборные ратные люди сыграли на протяжении всего XVII в. существенную роль в развитии экономики южных городов. Во второй половине столетия стрелецкое войско потеряло свои привилегии, стало испытывать гнет феодально-крепостнической эксплуатации со стороны правительства и все более сближаться с тяглыми людьми. В процессе консолидации сословий, свойственном позднефеодальному государству, в XVII в. создавались предпосылки для утраты в XVIII в. населением стрелецких слобод своих привилегий и превращения его в часть податного населения страны. При этом население одних стрелецких слобод сливалось с окрестным сельским населением и входило в состав государственного крестьянства, а других — в состав тяглого посадского населения городов.

⁶⁵ ЦГАДА, Разряд, Белгород. стол, стлб. 1051, лл. 230—233.

⁶⁶ ЦГАДА, Разряд, Денежный стол, кн. 144, лл. 265—267.